

Влад Беляев

девятка

*сказка об инфантильности
и прочих бедах молодежи*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влад Сергеевич Беляев

Девятка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39845484

SelfPub; 2018

Аннотация

"Девятка" – это история об инфантильности и ответственности, о полетах в облаках и падении с небес на землю, о машине и двух влюбленных в лето людей, которые по дороге домой встречают самый важный выбор в их жизни. Возможно, читатель тоже задастся вопросами, все ли его устраивает в его жизни и можно ли что-то поменять. Ведь перед вами книга об одной из самых массовых проблем молодежи, которая звучит как "школа-институт-работа-смерть". Кому-то эта книга поможет, а кому-то покажется смешной. В общем, причин для прочтения много, выбирайте любую, и приятного вечера. Содержит нецензурную брань.

Она выпорхнула из магазина под теплые солнечные лучи и легкими шажками направилась к машине. Сергей отвел от нее взгляд, только когда она закрыла дверь.

Щелкнул ключ зажигания, зажужжал мотор.

Девятка резво выскочила на трассу и, обгоняя фуры, помчалась в сторону утреннего солнца, и те двое, что, не выспавшись, встречали вместе с ней утро, все еще с трудом верили, что едут домой.

Наверное, их можно было назвать одной из самых прекрасных пар на всем белом свете, хотя их любовь заходила далеко за его границы. Планово ссорясь раз в месяц, они мирились и, как им казалось, любили еще крепче. Эта пара была не из тех, в которых тесная дружба замещалась секретами и недоверием. Здесь не было глупых границ для шуток и поступков, что обычно создают пропасти между двумя людьми, постоянно следящими за языком, лишь бы не пошутить слишком непристойно. Да, они были друзьями. Постольку-поскольку эта дружба не стесняла их любовь. Однако и это уже было большим достижением, новым уровнем отношений между парнем и девушкой, когда на смену навязанным нормам и декорациям приходило радостное беззаконие. Они были в пределах сказок и легенд, мечтаний о тех отношениях, которые не ухудшаются от конфликта к конфликту, от месяца к месяцу.

Он был несущей стеной для нее, она для него – фонариком в темном переулке, и в другом случае с ними, наверное,

произошло бы что-нибудь плохое, но они вместе, как кремь и бензин в зажигалке, как цветок и стебель – всегда подразумеваются вместе, а по отдельности не дают огня и не растут. Сравнения, пожалуй, не самые удачные, но, что касается тем огня и красоты, так это точно об этих двоих. Их отношения были жаркими до степени плавления печали и красивыми до масштабов конкурсов красоты, в которых наравне с ними принимали участие герои фильмов и книг.

– Смотри, это ты, – она показала ему фантик от конфеты, на котором был изображен осьминог.

– Почему ты так решила? У меня ведь не так много присосок, – ответил Сергей, приподнимая бровь.

– Нет, ты такого же цвета, когда пьяный.

– Я скорее цвета Прованских полей.

– А если в драку полезешь, то из тебя получается целая клумба. – Она мило улыбнулась в ответ на его взгляд. – Ты мне так и не сказал, сколько нам ехать.

– Где-то около четырех дней, – ответил он. – Может, меньше, если чуть поднажмем и не будем нигде задерживаться.

– Что ты подразумеваешь под словом «нигде»? У нас на пути стоит почти пять городов со всеми их памятниками, скверами и кафе, и мы ни в одном не остановимся?

– Это зависит от того, сколько времени ты хочешь провести в машине.

– Окей, я тебя поняла. В таком случае предлагаю прока-

титься хотя бы по одному городу, который я сама выберу, а в остальном будем ехать так, как ты считаешь нужным.

– Я тебе даже порулить где-нибудь дам, товарищ дипломат.

Они ехали домой в самый разгар лета, оставив позади закрытую сессию и пьянки в общежитии. У Сергея была полуторалитровая девятка цвета неба, у Нины – потрясающая улыбка и отцовская гитара. Они покинули город, в котором учились, сегодня утром, и на несколько дней и ночей их дорогой домой стала трасса «М40».

Последние жилые дома остались позади всего лишь в десяти минутах езды, поэтому вдоль дороги все еще рядами тянулись шиномонтажки, автомойки и заурядные кафе с блестящими от жира пирожками и кофе в одноразовых стаканчиках. Воздух еще не успел нагреться до уровня открытых окон в машине, поэтому в салоне витала приятная тишина, которую обеспечил предыдущий владелец, сделав превосходную шумоизоляцию.

– Что с работой? – спросила вдруг Нина. – Вчера получилось договориться?

– С трудом. Но переговоры закончились хорошо, теперь я полноценный грузчик.

– Если б тебя еще и на грузчика не взяли, я бы грызу себе заработала, помирая под столом от смеха.

– Посмотрим еще, куда ты сама устроишься.

– На твою шею, милый. Это ведь элементарно.

Впереди показалась АЗС. Подъехав ближе, Сергей увидел очередь у каждой колонки из трех-четырех машин. Когда девятка остановилась, за ней сразу встало еще два автомобиля.

– Как будто бы все они тоже спешат домой, – озадачилась Нина, задумчиво разглядывая стоящие рядом внедорожники и универсалы.

– «Тожe спешат домой». То есть мы решили поторопиться?

– Просто... Четыре дня сидеть в одном и том же кресле наедине с одним и тем же человеком? Да даже если это кресло девятки, все равно трудно.

– О чем ты? Едва ли нам представится возможность поспориться из-за длительного нахождения на близком расстоянии.

– Ты б на сессии лучше был таким уверенным. Не летай в облаках, а то крылья опалишь.

– Какие умные высказывания полетели.

– Если серьезно, то всякое может произойти, ты же сам понимаешь... Лучше бы нам следить за ситуацией. Если поругаемся, то мне даже уйти некуда будет.

Вдруг краем глаза Сергей заметил, как машина, стоящая у соседней колонки, медленно покати́лась назад. До этого водитель вышел из нее и ушел на кассу, видимо, забыв поставить на ручник. У стоящего позади автомобиля оглушительно заработал клаксон, Сергей чуть заметно улыбнулся.

Машины соприкоснулись почти беззвучно. Перепуган-

ный водитель – парень лет двадцати двух, – почти не останавливаясь, запрыгнул в свою и чуть отъехал вперед. Следом вылез сигналивший водитель и, осмотрев перед своей машины, принялся беспардонно крыть матом неосторожного парня.

– У него просто погнулся номер, и его от этого так провало? – задалась вопросом Нина, послушав разглагольствования у соседней колонки.

В конце концов, у парня, видимо, лопнуло терпение, и он поспешил вставить свое слово. В стремительном темпе словесная перепалка сменилась рукоприкладством.

– Ты не хочешь их разнять? – предложила Нина Сергею.

– Из-за того, что у этого дядьки рамка номерного знака сломалась, которую заменить стоит сто рублей и пять минут времени, покалечатся три человека? Нет, тут попкорн доставать надо... Смотри, вон, бежит разнимать.

В вялую драку вклинился сотрудник заправки. Тумаки разлетались только в самом начале, ближе к концу двое просто сцепились друг с другом, смотреть было не на что. Вскоре разнятые водители с угрюмыми лицами расселись по своим машинам, а заправщик вернулся к работе.

– Тяжело дяденьке с таким характером, наверное, – предположила Нина, когда Сергей вернулся из кассы.

– Может, он просто встал не с той ноги. Знаешь же шутку о человеке, который рано утром зашел в автобус с улыбкой, а его за это выгнали на ходу?

Нина звонко засмеялась.

– Причем здесь это? – спросила она.

– Если человек злой, его лучше не трогать.

– Кто тогда поможет ему стать добрым?

– Никто, солнце. Мне кажется, что человек по умолчанию добрый. А злость – это просто метастабильное состояние, временное возмущение в психике, которое само со временем проходит.

– Нет, это неправильно. Существуют же все время злые люди, например, ворчливые старики. И многие из них злы как раз потому, что одиноки.

– Это лишь отчасти так. Может, у этих людей к старости просто не осталось причин быть добрыми и улыбаться.

– Но если, по твоим же словам, человек по умолчанию добрый, зачем ему причины таким быть? Ты сам себе противоречишь, дурачок.

– Я имею ввиду, что такому человеку больше приглянулось быть черствым, чем добросердечным.

– Блин, да как это может понравиться – быть злым?

– Мой одноклассник Ваня постоянно ходит нахмуренный и огрызается. Он думает, что это придает ему лишнего пафоса.

– Он клоун.

Девятка покинула АЗС, музыка из магнитолы заиграла громче, солнце поднялось выше, а окна опустились еще на несколько сантиметров. Нина вполголоса подпевала, хлопая

ладонями по коленям в такт перкуссии, Сергей непринужденно вел автомобиль по трассе, держась за руль одной рукой и наслаждаясь ветром в волосах.

Он купил девятку в конце прошлого лета на честно заработанные деньги. Нина была без ума от радости, ведь теперь они могли поехать хоть на край света или в кино. В начале осени они проводили в машине много времени, останавливаясь где-нибудь на набережной или на проселочной дороге у окраины: условия в общежитиях редко позволяли уединиться, зато своя машина теперь предоставляла такую возможность в любое время.

Нина время от времени покупала различные погремушки и «вонючки» в салон, Сергей же постоянно протестовал против такого рода белиберды, которая, по его мнению, только портила интерьер. Нина, улыбаясь, выслушивала его крики и причитания и почти никогда не настаивала на своем, будто ее целью было лишь позлить Сергея.

Она злила его и тогда, когда просилась за руль. Он скрепя сердце разрешал, а потом чувствовал, как внутри все сжималось от ошибок Нины, калечащих девятку. Нине чрезвычайно неинтересны были все те вещи, которые заставляли колеса крутиться, а фары – светить, и это перерастало в пренебрежение машиной, которую она, впрочем, любила, и каждый раз, когда Сергей звонко кричал "неправильно!", Нина прижимала голову к плечам и виновато повторяла "прости прости прости", а после подавала ему гаечные ключи на сто-

янке.

Сергей вдруг заерзал в кресле.

– Нина, у меня на спине сидит че-то, пчела, по-моему, – протараторил он, добавив в конце пару матов.

Нина, улыбнувшись, перегнулась через центральную консоль и принялась искать насекомое. Оса сидела на плече Сергея, Нина аккуратно взяла ее за крылья и, возвратившись на место, подняла руку на уровень глаз.

– Делать тебе нечего, – вытаращился Сергей на нее. – Выброси ее в окно, пока она не набедокурила тут.

Нина вертела перебирающую лапками осу и внимательно, сощурившись, рассматривала со всех сторон, не обращая внимания на напрягшегося Сергея, с детства не выносящего пчел, шмелей, оводов и прочих подобного рода летунов.

– Почему появилась жизнь? – произнесла Нина, крутя ручку стеклоподъемника обратно после того, как выпустила насекомое на волю.

– Видать, постарался кто-то, – неуверенно ответил Сергей. – Не знаю, пускай кто-нибудь другой отвечает на такие вопросы.

– В смысле? Тебе не интересно знать, почему маленькие молекулы вдруг поняли, что им нужно размножаться?

– Это что-то на грани фантастики. То же самое, если бы камень внезапно начал ходить на работу... Хотя, на все есть рациональный ответ, да же?

– Так почему бы тебе его не найти?.. Боже, так хочется

пить, – простонала она, потянувшись за очередной бутылкой. – Мы ведь взяли много воды?

– У нас в машине половина Байкала. Прямо как в твоём отчете по практике.

– Не-е-ет, в моем отчете целое Саргассово море... Блин, неужели это все закончилось? Ты не представляешь, как я рада.

– Уже представляю: ты ведь говоришь об этом раз десятый.

– Выходит, плохо представляешь, если не радуешься за меня.

– Ужинать сегодня, походу, мне одному придется.

– Это вряд ли, ведь я проголодалась уже сейчас.

– Так скоро?

Она чуть виновато посмотрела на него.

– Хорошо, я бы тоже не отказался от обеда.

В придорожном баре, непонятно для чего и для кого поставленном посреди бескрайнего поля, играл «Bon Jovi». Недалеко от входа сидели трое мужиков – один в белой чуть потертой майке, другой с маленькой кондукторской сумкой на плече, третий в кепке, – обсуждали никчемные диалоги в начале этой повести.

Нина, перечислив Сергею все, что она выбрала из меню, прошла в дальний угол бара и села за стол. В этот момент в бар зашли еще четверо: мужчина с женщиной и, по-видимому, их сын и дочь.

Сергей сделал заказ и присоединился к Нине. Она смотрела телевизор, подвешенный на стене слева. Оказывается, там крутили старые клипы, а звук транслировался на колонки, развешанные по всему помещению. Сейчас показывали «Cutting Crew – Died In Your Arms».

– Я где-то слышала эту песню, – замороженно произнесла Нина, не отрываясь от экрана.

– Да, что-то знакомое.

– Еще бы, она бесподобна. И фронтмен такой красавчик.

– Он просто улыбается как-то... притягательно.

Нина засмеялась.

– Глупый. Уже второй год идет, а мне все так же смешно от твоей ревности.

– Тебе не кажется, что клип на эту песню какой-то глупый?

– Что в нем глупого? Людям весело, идея оригинальная.

– В том-то и дело, что им весело. А песня лирическая: «Я умер на твоих руках». Мне кажется, это большой диссонанс.

– Разве обязательно снимать клип, руководствуясь исключительно текстом?

– Если нет, то выходит, что текст для самих исполнителей вообще ничего не значит. Выходит, они написали его только ради денег или славы.

– Что ж, во-первых, песни о любви вообще никогда ничего не значат, они просты как стишки для детей. Там нет мелкого шрифта, и нечего читать между строк. Если они нравятся,

то вряд ли из-за чего-либо кроме аккомпанемента или вокала. Во-вторых, у нас что, новый диванный критик появился? Люди написали красивую песню, очень возможно, ради славы или денег, люди сняли красивый клип, заработали на этом тысячи долларов, их стали узнавать на улицах, так за что их упрекать? Они все сделали идеально... А ты? Где твои миллионы и слава?

– Я обменял их на тебя.

– Да, вовек не забуду. То есть ты хотел сказать, что я для тебя сплошное разорение?

– Я хотел сказать, что ты дороже миллионов и славы, – соврал Сергей. – Любишь переиначивать.

– Нет, – сухо возразила Нина. – Просто вы парни ленивы до ума и бестактны. Как друг перед другом за базар пояснять, так вы мастаки, а как перед девушкой – пиши пропало.

В бар зашла еще одна семья с девочкой лет десяти.

– М-да, бедные хозяева, – вздохнул Сергей, доедая борщ. – В их бар заходят перекусить, а не выпить.

– Если бы им это не нравилось, они бы не продавали здесь блины и солянку.

– Не все так просто, лисенок.

Она откинулась на спинку деревянного стула и в очередной раз осмотрела помещение. У стойки двое обсуждали меню, держа в руках залакированный листок бумаги, пока девочка тихо сидела за столом с планшетом в руках; один из трех дядек громко хохотал, другой с улыбкой запихивал за

уху сигарету, третий запачкал пальцы в сгущенке и намеревался их облизать; семья из четырех человек молча смотрела, как ей раскладывают полные еды подносы на стол. Нина задержала на них внимание. Она определенно видела брата с сестрой, судя по тому, насколько они были похожи друг на друга даже вплоть до поведения, хотя он, скорее всего, был еще старшеклассником, а она уже походила на выпускницу университета. Нина зависла. Может, она увидела что-то знакомое в этой кучке людей, ведь у нее самой был брат, даже не один, даже три, которые ни разу не преминули возможностью за нее вступить, тем самым лишив шансов понять, что нужно уметь защищаться. Что ж, были у нее и две сестры, правда, двоюродные, которые не давали ей покоя от своих игр. И эта орава на протяжении всего детства и юношества носилась по одному большому дому сломя голову даже будучи в десятом или одиннадцатом классе. У Нины была одна еле заметная черта: она не могла понять людей, не имевших братьев либо сестер, и, наверное, сейчас хотела взглянуть со стороны на взаимоотношения внутри семьи, схожей с ее собственной, дабы ответить себе, не сильно ли она зарывается в хвастовстве по поводу того, как ей повезло с родней.

– Ну, что, доча, как на работе дела? – спросил мужчина с поднятыми на лоб очками.

– Все хорошо, – ответила молодая девушка, сидевшая напротив него. – Никак не могу прийти в себя от того факта, что попала туда... И начальница, наверное, тоже. Но она ме-

ня давно уже знает, ну, как постоянного посетителя. Мы с ней буквально за пару дней сдружились, она меня в пример уже ставит всем работникам. Меня взяли на полную ставку, еще и разрешили самой выбирать выходные и даже делать выговоры косячным официантам. Я даже нисколько не жалею, что меня отчислили. Блеск. – Девушка улыбнулась и откусила большой кусок пирожного.

– Нам надо было на день раньше приехать, чтобы ты нас с матерю туда сводила, – посетовал отец.

– Главное, чтобы тебе нравилось, – добавила сидящая за тем же столом женщина.

– Мне о-о-очень нравится.

– А документы на перепоступление подала уже или только собираешься? – заговорил молодой парень за тем же столом.

– Зачем? – не поняла девушка.

– Ну, как... чтобы учиться.

– Зачем мне поступать в университет?

– Затем, чтобы получить там образование, чтобы потом пойти работать.

– А сейчас я не работаю что ли? Я же говорила, что пока буду работать, а потом при необходимости пройду какие-нибудь бухгалтерские или на худой конец дизайнерские курсы.

– Но тогда у тебя не будет диплома. Как без него, он же...

– Сына, ты че тупой? – оборвал парня отец. Нина тихо засмеялась, спрятав лицо за Сергеем. – Тебе же сказали: «у меня есть работа, мне моя работа нравится, если надо будет,

отучусь где-нибудь». Зачем ей учиться, если она уже работает?

– Ну, все, успокойтесь, – улыбнулась мать. – Сына, ты же не маленький. Если тебе все кругом талдычат о том, что надо отучиться в ВУЗе и потом пойти работать, не значит, что иначе никак не бывает. Просто это самый надежный способ. Твоя сестра тоже поступала, но потом, видимо, поняла, что ей это не нужно, и теперь – видишь – какая радостная.

– Только ты не расслабляйся особо, – заговорил отец. – Она-то у нас умная девочка, а ты попробуй только не поступи.

Девушка, скрывая улыбку, отвернулась, мать укоризненно посмотрела на отца.

– Да-а, лисенок, не все так просто, – тихо произнесла Нина.

– Что? – очнулся Сергей.

– Да так... Поехали дальше.

Мотор с приятным Нине шумом загудел, салон на миг задрожал, и она, громко выдохнув и сложив руки на живот, распласталась на мягком кресле настолько, насколько позволяла его площадь. Сну не удалось бы пробиться сквозь все оставшиеся неудобства девятки, которые, как не старайся, не получилось бы убрать, но Нина получала удовольствие хотя бы от самого нахождения в этой машине. Порой ей нужно было лишь прижаться к Сергею для того, чтобы задремать, и все равно, что он еле умудряется переключать передачу и

в попытках дотянуться до рычага все время натывается не на то.

Она любила так, прислонившись к плечу Сергея, сидеть на лавочке в парке или в машине, вспоминая что-либо из детства, из школьной жизни либо выуживая из уголков памяти теплые воспоминания полуторагодовой давности.

В ту зиму она с удивившей весь поток легкостью досрочно закрыла сессию и в день сдачи последнего экзамена села на самолет. До Нового года оставалась пара дней, до начала учебы – почти месяц.

Свободных мест в самолете не было. Люди рвались домой, на их лицах светились блаженные улыбки, они скромно прятали их, но радость сочилась сквозь глаза и короткие диалоги. Нина благополучно заняла место у окна, положила книгу у ручки и, закрыв глаза, попыталась уснуть. Через несколько секунд кто-то рухнул на соседнее кресло.

Сергей не мог поверить своим глазам: он сел рядом с той самой девушкой, которую весь семестр нещадно сверлил взглядом. Она училась с ним на одной площадке, но в другом институте, при этом часто оказываясь с Сергеем в одно время в одном здании.

Он не подал виду. Нина тоже узнала его, но не сразу. Она видела его иногда в институте в компании парней, видимо, его одногруппников.

– Неужели это «Тени в раю»? – спросил он спустя час после взлета, застав Нину за чтением.

– Да, неужели, – ответила она тогда, лучезарно улыбнувшись. – Немного скучная, правда?

– Не знаю. Я не дошел до нее еще; просто успел прочесть название на обложке... Вообще, мое любимое у Ремарка – «Три приятеля».

– «Приятеля»?.. А, да, это... хорошая книга, – подыграла она.

Тогда они разговаривали почти безостановочно, чуть ли не назло пытающимся заснуть пассажирам близ них. Их диалоги плавно переходили из одной темы в другую, и на протяжении всего полета они так и не узнали свои имена. Лишь когда самолет пошел на снижение, Сергей, опомнившись, представился. Но Нина, улыбнувшись, решила остаться инкогнито. В аэропорту он проводил ее до автобуса, так и не взяв адрес страницы в сетях, о чем еще некоторое время жалел, потом он пытался найти ее в интернете, но абсолютно не за что было зацепиться. Сергею не приходило в голову, что Нина катается за городом на снегоходе, гуляет, укутанная, по продрогшему городу и согревается вечерами за чтением или просмотром фильмов, и что телефон в сравнении с этим не так интересен. К тому же нет нужды торопиться; однажды они случайно встретятся в институте, заговорят, потом еще пару раз, вероятно, он предложит погулять, сходить куда-нибудь, тогда и будет ясно, что за человек этот Сергей. Переписка – это ведь слишком заурядная вещь для нее.

– Сколько ты скачала песен? – спросил Сергей.

– Не знаю. Около трехсот. Я скачала всю дискографию «Смысловых галлюцинаций», немного Коржа, «Cage The Elephant», пару альбомов «The Rasmus» ну и много чего еще.

– Неплохо. А Бутусов?

– Обижаешь.

– Что ж, я в восторге.

– Блин, ты пробовал представить себе, сколько в мире песен? У среднестатистического исполнителя их где-то пятьдесят. А есть еще такие группы как «Айрон Мэйден» или «Абба»... или Элвис Пресли, допустим. Добавим к этому всякие ущербные инди-группы и одиноких бардов и шансонье, песни которых можно услышать только в одном городе или даже кафе. И у каждого свои песни... А помнишь Кешу, который ко мне за утюгом заходил, пока ты ему не стал этим утюгом угрожать?

– Я думал, его просто отчислили.

– Да, но чуть позже... Так вот, помнишь, он рассказывал, что у него около сорока песен своих, и он ни одну даже на диктофон не записал? А сколько еще таких Иннокентиев во всем мире? Это же просто с ума сойти!

– В этом вопросе меня больше удивляет тот факт, что из всех миллионов песен почти ни одна не повторяется. Сколько ты за всю свою жизнь слышала песен? Они ведь все разные. Если где-то и попадаются схожие аранжировки, то тексты абсолютно разные, и наоборот. Хотя даже сейчас, когда любая не особо умная девица пишет песню, в которой в каж-

дом из двух куплетов по четыре строчки, а в припеве всего три слова, ее песня все равно чем-нибудь да отличается.

Нина передвинулась ближе к Сергею и положила голову ему на плечо.

– Я и не думала о таком никогда. Наверное, многие люди не задумываются о подобных вещах, потому что... будто бы знают, что ли, что их это попросту не удивит.

– А тебя?

– И меня, – ответила она, зевнув. – Но с тобой все равно интересно.

За окнами безмятежной девятки стремительно смеркалось. Небо, уходящее за горизонт бесконечно далеко от дороги, с востока на запад расплывалось палитрой от темно-синего до оранжевого, и ни одно облако не мешало его созерцать. Поля, еле заметной строчкой проводов раскроенные на многие километры вдаль, местами цвели желтыми и сиреневыми красками, даже сумеркам с трудом удавалось отнять у них цвет. Впереди поля вздымались складками невысоких холмов, тянущихся далеко во все стороны и слева переходящие в неразглаженные горы, уже почти слившиеся с подступающей ночью; холмы были заняты лесом.

– Мы будем ночевать прямо на обочине? – спросила Нина, оторвав глаза от заката.

– Прикрепим шланг к выхлопной трубе и протянем в салон, – заявил Сергей в ответ. – Если ты хочешь задохнуться от выхлопа проезжающих машин, есть более эффективный

способ.

– Сука, я просто спросила... Давай остановимся в лесу. Заедем куда-нибудь подальше от шума трассы, встанем под сенью деревьев, послушаем музыку, а потом позволим сверчкам исполнить что-то свое.

– И тебе не страшно оказаться в глубокой чаще посреди ночи с волками и лешими?

– Мне страшно, что ты снова будешь храпеть... Давай найдем какой-нибудь сворот, дорогу с миллионом кочек, по которой грибники добираются до грибов.

Когда лес перед холмами стал достаточно густым, Сергей сбавил скорость и принялся искать в свете фар съезд, возможно, один-единственный на десять километров пути. Наконец, девятка резво соскочила с ровного асфальта на колею, с краев начинающую зарастать травой, и, не торопясь, старательно минуя ямы и кочки, въехала под кроны деревьев.

Через пару минут езды, когда уже толком было не ясно, в какой стороне трасса, и зарево заката скрылось за лесом, они увидели почти идеально круглую поляну, примыкающую к колее. Сергей остановился подальше от края, до ближайшего дерева оставалось метров пять. Нина, которая и представить себе не могла такую удачу, выскочила из машины и отправилась гулять по краю поляны, Сергей не спеша начал обустройства спального места.

– Что это ты такое делаешь? – заинтересованно спросила вернувшаяся к машине Нина, увидев, как Сергей стелет на

крыше плед.

– Кинотеатр.

– Что? Кинотеатр? А... а экраном будет твой телефон?

Сергей указал пальцем вверх.

– Ты серьезно? – нахмурилась она, все еще не до конца понимая происходящее.

– Более чем. Ты ведь не откажешься от такого зрелища. Держи. – Он вручил ей еще один плед, затем подхватил за ноги, – она приглушенно взвизгнула, – и усадил на край крыши. – Аккуратней, не задень стекла.

– Какой ты мелочный.

– Нет, – возразил Сергей, забираясь наверх. – Дело в том, что разбитые окна будут с твоей стороны, и тогда тебя продует.

Один плед он постелил на крышу, вторым укрыл Нину и укрылся сам, подложив обоим под голову толстовки.

– Как красиво, – пролепетала она, поняв его замысел. – И романтично. Наверное, ты последний романтик на этой планете. Как Рома Зверь... Ты как будто знал, что мы здесь окажемся, как это понимать?

– Нужно же когда-то удивлять тебя.

Затем они лежали молча, как им казалось, минут десять, хотя на самом деле прошло более получаса. Но звезды над их головами не стали тусклей или ярче, и даже неторопливые малолитражки и сонливые фуры там, за деревьями, не стали ездить тише, наоборот, в тишину, окутавшую девятку,

все посторонние звуки стали врываться с еще большей наглостью, однако в то же время они создали ощущение спокойствия, будто бы то, что происходит где-то на какой-то дороге и в какой-то машине, сделалось чужим, отдаленным, не касающимся двух влюбленных в лето людей, беззаботно смотрящих на звезды. Ведь шум моторов и неуверенные огни дальнего света там, а они здесь. Только кровь и ночной воздух текут в них, остальное неподвижно и бесшумно.

– Знаешь, что недавно до меня дошло? – заговорил Сергей.

Нина повернула к нему голову.

– Ты сейчас лежишь, и твои уши слышат, как едут машины, твои глаза видят звезды и верхушки деревьев, твои руки чувствуют холод, а я чувствую их запах. Все это не придумано людьми. Мы ощущаем этот мир, потому что у нас есть органы чувств, которые воспринимают информацию и транслируют ее в мозг, который выдает нам положение дел в прямом эфире. То есть любая информация, идущая снаружи, имеет физическую интерпретацию... и все наши органы чувств материальны, а не вымышлены, как душа, например. Следовательно, если человек был бы чем-то эфемерным, то он бы не смог воспринимать окружающий мир, потому что и свет и звук, будучи... реальными, не смогли бы осесть на то, чего в материальном мире нет, то есть на органы чувств. Человек даже не понял бы, что он нематериален... Поэтому люди, утверждающие, что были в астрале – глупцы.

Резко наступила тишина. Нина, еле заметно улыбаясь все это время, обвела взглядом лицо Сергея и, слегка приоткрыв рот, тихо сказала:

– Купи мне «Балтику» завтра.

– Зачем она тебе? Столь изощренная во вкусах, столь пытливая до совершенства и чистоты дама предпочитает «Балтику» вместо французского сидра или хотя бы «Кроненберга»?

– Я лишь хочу частичку русского мира. Ибо сможешь ли ты еще где-то увидеть такие же пейзажи нескончаемых полей, обрамленных лесополосами и грядами лесистых холмов, да еще и нагруженный на целый метр вверх «жигуль», несущийся по автостраде, и водители, которые, обогнав тебя, включают аварийку в знак благодарности? И не просто увидеть, но еще и почувствовать. Где кроме России? И вот «Балтика», мне кажется, прекрасно дополнила бы это приятное ощущение такого русского гигантизма просторов и души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.